
СИСТЕМНО-СЕТЕВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ТРАНСГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

М.А. Слемнев (Витебск)

Приграничное сотрудничество является важной формой взаимодействия региональных экономик сопредельных стран. Оно не только способствует повышению качества и уровня жизни населения приграничья, но и в известной степени нейтрализует угрозы глобализации. Сказанное в полной мере относится и к белорусско-российскому приграничью, которое формируют три области с белорусской стороны (Витебская, Могилевская и Гомельская) и столько же с российской (Псковская, Смоленская и Брянская). Непосредственно к государственной границе, протяженность которой составляет 990 км, примыкают 34 административных района. Площадь территорий белорусско-российского приграничного региона составляет около 320 000 кв. км, что значительно больше суммарной площади территорий трех прибалтийских государств.

Экономическое и гуманитарное сотрудничество в зоне белорусско-российского приграничья активно развивается. Вместе с тем нельзя не отметить, что оно пока что носит субприграничный, локальный характер. Хорошо, например, налажены экономические, культурные и научно-образовательные контакты между Витебском и Смоленском, Псковом и Витебском, Могилевом и Брянском, Лиозненским и Руднянским, Верхнедвинским и Себежским и другими районами. Что же касается системного взаимодействия, которое обеспечило бы интергационно-сетевую «сшивку» всех приграничных областей и превратило внушительные по своим размерам, экономическому и гуманитарному потенциалу территории в слаженно функционирующий, относительно самостоятельный трансграничный регион, то оно пока что отсутствует. Для решения этой необычайно сложной практической задачи необходима предварительная концептуализация белорусско-российского приграничья, разработка его системно-сетевой модели, своеобразной матрицы трансграничного сотрудничества. В статье рассматривается методологический подход к ее созданию, который основан на синтезе геотрионной и социокультурной презентации белорусско-российского приграничья как целостного образования.

Вначале о геотрионной модели белорусско-российского приграничья, которая разрабатывается белорусскими и российскими учеными под эгидой парламентов своих стран [1]. Она представляет собой двойную триаду: взаимодействие трех сопредельных областей (Витебской, Могилевской, Гомельской с одной стороны и Псковской, Смоленской, Брянской с другой) в рамках социоприродной системы с тремя основополагающими компонентами «природа – хозяйство – население». Среди благоприятных факторов, которые способствуют расширению и углублению экономической интеграции, особо выделяются схожесть природно-ресурсных и экологических условий, наличие сквозных транспортно-коммуникативных сетей (7 железных дорог, 11 автомагистралей с твердым покрытием, 3 нефтепровода и 1 газопровод) и мощных речных артерий (Западная Двина, Днепр, Сож), разные уровни занятости населения, что позволяет при хорошо продуманной интеграции успешно перераспределять трудовые ресурсы приграничных районов. Трансграничное сотрудничество в рамках геотрионной схемы также позволяет реструктуризировать органы местного самоуправления,

помочь в создании единого рынка труда, гармонизировать и диверсифицировать использование энергоресурсов, провести модернизацию трансграничной инфраструктуры, стимулировать развитие малого бизнеса и инновационных технологий. Особый акцент делается на следующие моменты: геотрионы не являются надгосударственными образованиями и действуют в национальных интересах каждой из сторон и союзного государства в целом; нормативно-правовое регулирование сетевой системы трансграничного сотрудничества осуществляется на основе законодательства союзного государства и его субъектов; организационно-информационная структура геотрионов выполняет, прежде всего, коммуникативно-координирующую функцию и не подменяет властные институты, действующие на их территории; формирование общего геотрионно-сетевого пространства не ведет к возникновению новой административно-территориальной единицы, имеющей статус юрлица.

Схематическое представление белорусско-российского приграничья в виде сложного природно-хозяйственного комплекса с присущими ему демографическими и социально-экономическими параметрами вполне допустимо, но явно не достаточно. Ведь граница это не только место встречи экономик двух стран, но и различных этносов и культур. В реальном измерении приграничное экономическое взаимодействие всегда протекает на основе активного диалога национальных культур, менталитетов и идеологий. А это требует внесения корректив и, зачастую, весьма существенных в финансово-экономические, энергетические, демографические, экологические и прочие сухие расчеты. Вот почему формализованную геотрионную презентацию приграничья следует дополнить его рассмотрением в качестве живой, динамичной социокультурной реальности. А у каждого геотриона она своя.

Понятие «социокультурная реальность» как и всякая мировоззренческая универсалия культуры не поддается однозначному определению. Для получения схематичного представления о содержании данного концепта следует учитывать, что он есть логическая связка трех терминов – «социальное», «культурное» и «реальное». Поэтому для получения представления об объекте, который называется «социокультурная реальность», надо вначале очертить смысловые контуры членов указанного конъюнктивного отношения.

Реальное – это то, что существует, присутствует в мире, есть, говоря словами Гегеля, не «ничто», а «нечто». Такого понимания реального вполне достаточно для исследования темы. Сложнее разобраться в понятиях «социальное» и «культурное». Очень уж широк спектр их семантических интерпретаций. Так, специалисты в области культурологии указывают на существование более двухсот определений культуры. Имеется немало определений и социального.

В наши задачи не входит подробное рассмотрение всех этих дефиниций. Отметим лишь, что в большинстве из них за понятием социальное просматривается та сторона общества, которая указывает на *совместность* (вместе, сообща) существования людей как необходимое условие их человеческого бытия (разделение труда, социальная стратификация, наличие различных общественных институтов и т.д.). В понятии культурное акцент делается на том, что общество является не природным, естественным, а надприродным, *искусственным* образованием. Это в равной степени касается как вещных, материальных конструкторов (техносфера), так и разнообразных предметов ментального характера (нормы, идеалы, идеи, гипотезы, верования, ценностные ориентации и др.).

Рассмотрение социальных и культурных граней общества в качестве относительно самостоятельных образований вполне допустимо. Это, в частности, ус-

пешно делают и социология, и культурология по отдельности. Но следует помнить, что каждая из отмеченных сторон социума органически связана с другой. В итоге, социальное и культурное образуют специфическую социокультурную целостность. Для выявления механизмов взаимосвязи культурного и социального культуру полезно представить в качестве информационного аспекта жизни общества, как социально значимую информацию, регулирующую деятельность, поведение и общение людей.

Кумуляция и передача этой информации от поколения к поколению происходит при помощи различных социальных знаков. К ним относятся естественные и искусственные языки, различные предметы «второй природы», образцы человеческого поведения и др. Культура как сложная семиотическая система, в которой закодирован исторически накопленный социальный опыт людей, выполняет функции своеобразной надбиологической программы их совместной жизнедеятельности. Она обеспечивает производство и воспроизводство различных форм социального бытия людей, общественных институтов и типов личности, искусственной предметной среды и др. С некоторыми оговорками можно считать, что социокультурные программы играют в обществе примерно ту же роль, что и молекулы ДНК и РНК в природе [2, с. 527]. На уровне обыденного сознания программы организации совместной деятельности общения и поведения формируются и выполняются нерerefлексивно. В повседневной жизни люди живут, так сказать, не по нормам, а «внутри них» и «между ними». На уровне теоретического сознания происходит осмысление социокультурной реальности, совершается ее структурирование, определяются регулятивные возможности и границы применимости программных рекомендаций и установок. В данной связи следует учитывать, что социокультурная реальность как программа обеспечения жизнедеятельности общества всегда содержит в себе реликтовую часть (остатки прежних культур), активное концептуальное ядро, ответственное за производство устоявшихся социальных структур, связей и отношений и идеологические схемы «опережающего отражения действительности», проекты регуляции деятельности, общения и поведения людей будущего. Все эти три уровня присутствуют в социокультурной реальности белорусско-российского приграничья.

При синтезе геотрионного и социокультурного моделирования белорусско-российское и российско-белорусское приграничье выступают не просто в виде сопряженных природно-экономических ареалов, расположенных по обе стороны границы, а как некое относительно целостное социально-территориальное и культурно-психологическое образование. В личном сознании его представителей в результате диффузного взаимопроникновения культур происходит пересечение и определенная синхронизация потребностей, интересов, ценностных ориентаций сопредельных народов. Это своеобразная буферная этносоциальная группа, структурируемая трансграничными экономическими, культурно-образовательными и психологическими сетями. С некоторыми оговорками позволительно сказать, что по обе стороны границы совершается формирование человека, которого можно условно назвать приграничным. Люди, разделенные границей, особенно, если она прозрачна, непосредственно ощущают ее политическое, идеологическое правовое, экономическое, культурное и этническое «дыхание». Информацию о сопредельной стране они получают не из СМИ, которые нередко страдают тенденциозностью, а в «чистом», недеформированном виде.

На становление маргинально-этнического, политического и духовно-нравственного облика людей приграничья влияет история предшествующего взаимоотношения народов, сложившийся уровень их национального сознания,

социально-психологическая и языковая дистанция, разделяющая этносы, степень прозрачности государственных границ, состояние межгосударственных отношений и др. Как показывают социологические исследования, традиционная оппозиция «Мы – Они», «Свои – Чужие» в белорусско-российском приграничье не носит конфронтационного характера и, тем более, не является демаркационной линией этнического отчуждения. В массовом сознании взаимные оценки русского и белорусского менталитетов имеют свои различия, но лишены неуважительного оттенка. Подтрунивание над некоторыми специфическими чертами национального характера (знаменитая толерантность белорусов, которая нередко превращается в супертерпимость и осторожность и безудержная широта русского характера и др.) имеет место, но не более того.

Вместе с тем, следует иметь в виду, что достаточно продолжительное нахождение братских народов в различных политических, правовых и идеологических полях, известная разнокачественность экономических укладов не смогли не повлиять на сознание людей, особенно молодежи, которая прошла социализацию после распада СССР уже в разных государствах. Очагов явного приграничного межнационального напряжения сегодня не наблюдается. Но полностью исключать возможность их возникновения нельзя. Этому, в частности, способствуют т.н. газовые, молочные, сахарные «войны», предвзятые оценки в СМИ внутренней и внешней политики государств. Следует также учитывать, что в кризисные времена, когда становится неуютно жить в настоящем, виновников всех бед нередко ищут в историческом прошлом, акцентируя при этом внимание на далеко не лучших страницах взаимоотношений народов и государств. А при желании их всегда можно найти в любой стране. Активисты же радикальных национальных движений, которые стоят на страже своих этнических рубежей, охраняя их чистоту от внешних заимствований, в такие моменты способны нарушить устоявшееся национальное согласие. Можно надеяться, что белорусско-российским отношениям такое вряд ли грозит. Тем не менее, процессы, происходящие в социокультурной среде приграничья, нуждаются в тщательном изучении и отслеживании их динамики. Это столь же важно, как и осуществление мониторинга экономической и социально-политической ситуации в смежных районах.

Очевидно, что для разработки надежных программ кратковременного и долгосрочного регионального и локально-территориального приграничного сотрудничества усилиями одних экономистов, финансистов, логистов, демографов, экологов не обойтись. Приграничье требует также пристального внимания к себе философов, историков, политологов, культурологов, социальных психологов, этнологов и представителей других социально-гуманитарных наук. Только комплексное научно-теоретическое осмысление феномена белорусско-российского приграничья может стать эффективной методологической основой практических действий, способствующих углублению экономической интеграции двух стран, дальнейшему духовному единению братских народов и строительству Союзного государства. В свою очередь, Союзное государство должно стать тем органом, который будет регулировать функционирование и развитие стратегически важного белорусско-российского региона.

1. Востриков, С.В. «Геотрионы» как системообразующий фактор интеграционно-сетевых взаимодействий экономического развития РБС / С.В. Востриков // Социальные трансформации: российско-белорусское приграничье: состояние и проблемы. – Смоленск: СмолГУ, 2010. Вып.20. – С. 28 – 38.
2. Степин, В.С. Культура / В.С.Степин // Новейший философский словарь. – Минск: Интерпресервис, Книжный Дом, 2001. – С. 527 – 530.